

Театральная декада

Москва №22
1934г

МЕЙЕРХОЛЬД И ПУШКИН

„Русский театр XIX века записывает в своей летописи три славных имени: одно из них уже получило всеобщее признание.— это Гоголь; другое (в плане театра) раскрыто слишком мало,—это Пушкин; третье (тоже в плане театра) еще совершенно не раскрыто,—это Лермонтов“.

Так писал **Вс. Мейерхольд** в 1911 году в своем наброске „Русские драматурги“, помещенном в книге „О театре“.

С тех пор театр Лермонтова был блестяще раскрыт в постановке „Маскарада“, осуществленной самим Мейерхольдом. Пушкин же на сцене появлялся главным образом, в отраженном свете оперных спектаклей. И только теперь русский—уже советский—театр вплотную подходит к драматургическому наследию Пушкина. Готовится ряд пушкинских спектаклей. Ленинградский гос. театр драмы ставит „Бориса Годунова“, Камерный театр—„Египетские ночи“, в значительной части основанные на материале Пушкина, московский театр Ленсовета и ряд театров других городов—драматический спектакль „Пиковая дама“ по повести Пушкина. И, наконец, **Вс. Мейерхольд** поставит три пушкинских спектакля: „Бориса Годунова“ в театре своего имени, „Пиковую даму“ в Ленинградском Малом Оперном театре и „Каменного гостя“ для радиопередачи (силами артистов Гос. театра имени **Вс. Мейерхольда**).

К „Борису Годунову“ и к „Каменному гостю“ Мейерхольд подходит не впервые. В Мариинском театре он поставил в 1911 г. оперу Мусоргского „Борис Годунов“, в 1917 г.—оперу Даргомыжского „Каменный гость“. Но и с пьесой „Борис Годунов“

Мейерхольд также имел дело прежде. В 1918—19 гг. он руководил учебными работами студентов курсов мастерства сценических постановок (Мейерхольд заведывал этими курсами и вел на них класс режиссуры) по созданию постановочных планов к „Борису Годунову“, а в 1925—26 гг. он начал работать над пьесой в качестве руководителя постановки в театре (тогда еще студии) им. Вахтангова, но спектакль этот не был закончен.

Мысли Пушкина о театре всегда волновали **Вс. Мейерхольда**; в процессе практической работы и в своих высказываниях он часто ссылается на них. В статье „Бенуа-режиссер“, посвященной критике пушкинского спектакля в Московском Художественном театре (журнал „Любовь к трем апельсинам“ №№ 1, 2, 3 за 1915 г.), он подробно изложил свои соображения по этому вопросу. „Манифест Пушкина“ (так Мейерхольд называет заметку Пушкина о драме.—**А. Ф.**)—сплетение двух лейтмотивов: театр—условен и театр—народен,—пишет Мейерхольд. И дальше он разбирает проблему народного театра по Пушкину. Он подчеркивает, что Пушкин много „таил в себе уверенность, что театр доступен пониманию народа и что именно народ рано или поздно составит желанный партнер“. Примечательно, что эти строки были написаны за два года до революции.

„Условность“ и „народность“ пушкинского театра близки Мейерхольду. После постановок произведений Гоголя, Лермонтова, Грибоедова, Сухова-Кобылина и Островского обращение к Пушкину совершенно естественно для Мейерхольда. Опыт, накопленный им в работе над русской класси-

ческой драматургией, новые методы, создавшиеся в практике этой работы, подводят его вплотную к творчеству величайшего из наших классиков. И то „разнообразие в единстве“, которым отмечен путь Мейерхольда,—не является ли оно предпосылкой для подхода к такому многогранному художнику, как Пушкин? А ясность, как бы прозрачность последних спектаклей Мейерхольда—результат длительной экспериментальной работы—не оказывается и она в согласии с изумительной ясностью пушкинских строк, также вырвавшейся из упорного труда? И там, и здесь простота приходит как итог сложных построений.

Появление пушкинских спектаклей в репертуаре ряда наших театров не случайно. Именно теперь, когда расцвет социалистического строительства приводит широчайшие народные массы к светлой, радостной, полноценной жизни, теперь, в дни юности нового мира, нам особенно близок, при этом по-новому близок становится Пушкин, в творчестве которого, по слову **А. В. Луначарского**, „первое, что поражает, это воля, ясный свет, какая-то танцующая грация, молодость, молодость без конца“.

Слово Пушкина должно зазвучать с подмостков наших театров. „Единственный долг пушкинского режиссера—строить из недр пушкинского текста, пушкинский театр“,—писал в той же статье („Бенуа-режиссер“) **Вс. Мейерхольд**. И мы ждем, что Мейерхольд даст нам этот пушкинский театр, которого, несмотря на столетнее его существование, русская сцена по существу еще не знала.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ